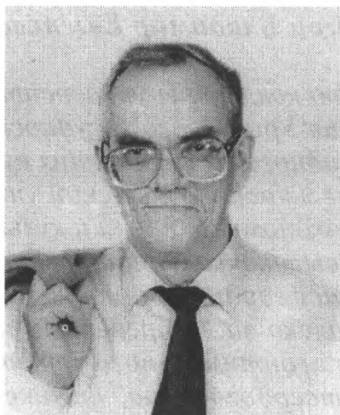

МОЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.Е. Третьяков

МЫ ОБЯЗАНЫ СОХРАНИТЬ ТРАДИЦИИ

В начале августа 1954 года я впервые вошел в здание Уральского университета на углу улиц Куйбышева и Белинского. Вообще-то я собирался поступать в Московский университет, имел даже рекомендацию от горкома комсомола, но ехать в Москву было уже поздно – к началу экзаменов не поспеть.

Задержка же получилась из-за моей золотой медали. Золотой медалист в провинциальной школе, а я жил и учился в Златоусте, в те годы был большой редкостью, и все документы проверялись с такой тщательностью, что я едва-едва успел к началу экзаменов в Свердловск. О том, что пришлось расстаться с мечтой об МГУ, особенно не жалел; говорили, что в УрГУ с первого курса можно заниматься научной работой, а именно этого мне и хотелось. Ехал поступать на отделение механики физмата.

И вот я вошел в здание, которое выглядело, думаю, не лучше, чем сейчас. Но если бы меня тогда же спросили, какое оно, едва ли смог бы ответить: я этого просто не заметил. А вот что заметил и запомнил на всю жизнь, так это отношение ко мне всех, с кем пришлось общаться в тот самый первый университетский день.

В приемной комиссии сразу сказали, что медалистов не берут: сорок процентов, которые отпущены на их долю, уже набраны. Не помогли ни мои спортивные значки, ни другие «знаки отличия». «Впрочем, подождите, сейчас сходим к ректору, авось что-нибудь и выйдет», – остановил секретарь комиссии.

Ректор, Григорий Иванович Чуфаров, обо всем расспросив, неожиданно предложил: «А давай-ка, на биофак, у меня там одни девицы, а на физмате уже полный комплект!» Но я сказал, что на биофаке наверно, тоже страшно интересно, но уж лучше мне попытаться в лесотехнический, говорят, тоже хороший институт, зато к механике и физике поближе.

«Не-не-не!» – тут же ответил ректор и куда-то записал мои данные. Мы вернулись в приемную комиссию, где у меня взяли документы и сказали, чтобы не волновался: все в порядке.

А я действительно волновался, только совсем по другому поводу. Впервые в жизни оторвавшись от родного дома и оказавшись в незнакомом городе, с беспокойством думал о том, где придется провести

ночь, ведь поезд в Златоуст уходит только утром! Но страхи оказались напрасными: тут же в приемной комиссии мне дали провожатого и отвели на Чапаева, 16, где располагалось университетское общежитие. Я оказался в большой комнате, сплошь уставленной кроватями без матрасов, и она мне показалась настоящим раем. Долго не покидало чувство благодарности к людям, которые позаботились о том, чтобы у меня был такой роскошный ночлег!

Приехал первого сентября – и снова волна той же доброжелательности, все только и делают, что интересуются первокурсниками, будто они тут самые главные персоны. Эта атмосфера дружелюбия и человеческого внимания просто преследовала меня с первых же дней. Вот что мы обязаны сохранить... Потому что в конце концов, не так важно, какое оно – это здание, красивое или не очень, важно, какие люди здесь работают, какая в нем царит атмосфера. Атмосфера в университете, и мы это сразу почувствовали, была творческой.

Итак, я стал студентом механического отделения физмата. Время было потрясающее – мы оказались на волне хрущевской «оттепели», лед тронулся, явственно ощущались перемены, и мы, конечно, не могли остаться в стороне. В университете, как в большом котле, все кипело и бурлило. «Гуманитары» и «технари» общались гораздо теснее, чем сейчас, жили одной большой семьей. Сколько было общественных мероприятий, коллективных дел, какая жажда деятельности! Спортивные соревнования превращались в настоящие баталии, не затухавшие по несколько лет. Дружины по охране общественного порядка, подготовительные курсы на заводах – стены вуза уже не ограждали внутреннюю замкнутую сферу – мы шагнули в

мир. Первые трудовые отряды, как небо от земли, отличавшиеся от стандартных поездок на уборку картофеля... Хорошо помнится острое ощущение не напрасно прожитого, до краев наполненного дня. Каждого дня!

В 1957-м, будучи секретарем комитета комсомола университета, я отправился командиром сводного студенческого отряда на целину. Красноярский край, Хакасия, уборка хлеба... Два месяца незабываемых впечатлений и незабываемого напряжения. Сейчас, вспоминая студенческие и все последующие университетские года, я могу сопоставить то напряжение разве что с защитой кандидатской диссертации. Нет, пожалуй, кандидатская была покруче.

Свою защиту я помню так, будто это случилось вчера. Научный руководитель, академик Николай Николаевич Красовский, для меня и по сей день остается учителем и в жизни, и в науке. Помнится не столько сама защита, сколько подготовка к ней, атмосфера тех напряженных лет. Даже докторская представляется событием не столь значительным. Там уже все как бы вошло в свое русло, здесь же был рывок, самый последний и решающий, как в беге на дистанцию. Этим рывком должны были завершиться студенческие годы, а вместе с ними юношеские мечты о не напрасно прожитой жизни.

Тем более что защищался я не сразу, а через четыре года после окончания аспирантуры и тогда же сделал для себя вывод, что нет более тяжелой работы, чем работа творческая. Особенно в области математики, где, казалось бы, логика и «сухая» наука не оставляют места для искусства. Между тем, может быть, именно математика наиболее близко из всех наук подходит к му-

зыке. Не случайно наш заведующий кафедрой алгебры Лев Наумович Шеврин – не только ученый, но и композитор, автор симфоний, прекрасно играет на виолончели, фортепиано... Трудно сказать, на чем основано такое сочетание, но ясно, что в основе того и другого лежит гармония. Гармония умозаключений, складывающаяся в симфонию, и не столь важно, записана она нотами или формулами...

Пожалуй, не было в жизни труднее момента, чем завершающий этап подготовки кандидатской, чем эта ежедневная и еженощная работа, которую по нервным и физическим затратам можно сравнить с трудом шахтеров или... с уборкой урожая летом 1957-го!

Но я немного отвлекся от студенческих лет, между тем для полноты картины хочу сказать несколько слов об однокурсниках, наиболее близких мне. Хотя друзей всегда было очень много, а среди них каждый – яркая личность! Но если уж выделять кого-то, то в первую очередь собственную жену – однокурсницу Лину, верного друга и спутницу тогда и теперь. Имя другого моего однокурсника, Юрия Осипова, хорошо известно ученым не только России, но и зарубежья: как известно, он стал академиком, президентом Российской академии наук, недаром уже в студенческие годы отличался серьезным подходом к жизни. Прожить на 23 рубля стипендии было почти невозможно. Мне-то хоть еще из дому по 10 рублей высылали, а вот Юре никто не помогал. И в то время как большинство из нас подрабатывало погрузкой-разгрузкой, он устроился работать в конструкторское бюро одного из заводов. В нашей группе это был первый случай такой целеустремленности.

Володя Шершневу... Гера Моисеев... Оба сегодня кандидаты наук,

один работает в академии им. Плеханова, другой – в одной из фирм города Королева. На сорокалетие окончания университета из 22 выпускников нашей группы приехали отметить эту дату 12 – студенческая дружба не стареет. Вспоминали, как водится, любимых преподавателей, которых, кстати, было много. Моим кумиром в то время был зав. кафедрой теоретической механики Иоэль Гильевич Малкин – выдающийся педагог, блестящий ученый в области теории устойчивости и неподражаемый лектор. Жаль, он был очень больным человеком и ушел рано, в 52 года. Его лекции хранятся у меня до сих пор, читал он их просто завораживающе. К тому же в те годы Малкин переводил труд французского классика механики Аппеля и, закончив очередную главу, прочитывал нам ее на лекций. Я не мог пропустить ни одного слова!

С ним у меня связан интересный случай.

Иоэль Гильевич был исключительно доступный, демократичный педагог. А меня вечно куда-то выби- рали, и я носился с разнообразными идеями. Очередной идеей была затеянная мной кампания за свободное посещение занятий. Правила тогда были строгими, за пропуски могли и отчислить, а на дворе, как уже говорилось, – хрущевская «оттепель», демократией запахло. Я стал ходить по преподавателям, собирать подписи. Дошел до Малкина. Он посмотрел на меня не то чтобы строго, но – недоуменно: «Что вы занимаетесь ерундой? Не спорю, бывают минуты, когда каждому хочется и отдохнуть, и заняться чем-то другим помимо науки... Ну и что? Наоборот, надо ввести палочную дисциплину! Да-да, палочную. Как в Англии, где в университетах есть дядька, который следит, чтобы студенты не отлынивали от занятий».

В общем, петицию мою он не подписал. А меня, надо признаться, здорово ошарашил. Все выдающиеся подписали, никто даже не возразил, а он...

И тут я первый раз в жизни задумался о том, что же это такое – свобода. И понял, что такая свобода действительно чревата, не потому, что человек слаб, а потому, что он многогранен. Но уж если ты сделал выбор, пришел учиться тому, чему пришел, то надо, чтобы тебя, кроме всего прочего, к этому еще и принуждали. Дабы не заблудился и не сбился с дороги. Больше я за подписями ни к кому не пошел и кампанию эту забросил. И по сей день, между прочим, не изменил своего мнения. Но когда мы сейчас попытались ввести учет посещений занятий, то все восстало: как?! Посягнули на свободу! Вероятно, каждый до понимания истинной свободы должен дойти сам.

... Так случилось, что университетская жизнь для меня с окончанием вуза или защитой диссертации не закончилась. Без малого полвека в этих стенах... Недавно одна журналистка меня спросила, в какие годы ректорам приходилось труднее всего. Я думаю, что в 30-е. В годы наиболее жестокого сталинского террора должность ректора была расстрельной, и это понятно: любой начальник был тогда под прицелом. Но следом за ними по трудности выживания идут 92–93-й. Вузы всегда были заботой государства. На один день задержали зарплату преподавателям – подсудное дело! Нет воды, электричества – это не наши проблемы, что они там себе думают!

Ректоры занимались составлением долгосрочных планов, а все, что обеспечивало их выполнение было заботой других. Проблем, связанных с содержанием, а стало быть, и с развитием вуза, у ректора было гораздо меньше.

В начале 90-х изменился не только круг обязанностей, – изменилась психология, кардинально другими стали подходы, цели, задачи. Чтобы остаться на плаву, нужно двигаться вперед – это аксиома. А вот как это сделать – уравнение со многими неизвестными. Место планирования заняла стратегия... И если в 30-е годы должность ректора была расстрельной, то сейчас, учитывая непредсказуемость нашей экономики и политики, стала «убойной».

И все же двигаться вперед необходимо, как необходимо решать проблему опережающей подготовки кадров и десятки других проблем. Слава богу, у нас есть надежная основа: традиции российского университетского образования, заложенные Петром Великим еще 275 лет назад. Есть на что опереться.

Между тем стало модно чуть что ссылаться на Америку, на ее достижения во всех областях, включая образование. Категорически с этим не согласен! И не только потому, что наши традиции образования через науку старше самой Америки. Тот факт, что после Второй мировой войны в разрушенной стране смогли создать ракетно-ядерный щит – заслуга только отечественной системы образования. А когда полетел первый русский спутник и в Космос отправился наш первый космонавт, Америка вынуждена была пересмотреть всю свою систему образования... Вот почему если в качестве аргумента начинают выдвигать положение дел с образованием в Америке или Германии, мне всегда хочется возразить: ну и что же? У них – как у них, а у нас – так, как у нас, и это ничуть не хуже! В образовании нельзя разворачиваться на 90 градусов, здесь можно только совершенствовать то, что сложилось исторически. И я считаю, что наш Уральский госуниверситет – пример

совершенствования, а не ломки этих традиций.

Мне часто приходится бывать в МГУ, там у меня много друзей, коллег, единомышленников. Да, в отличие от нас, в нем работает больше академиков, докторов... Но при этом в нашем вузе преподаватель гораздо ближе к студенту, чем в столице. Там, похоже, внедряется европейский стиль: прочел лекцию – и до свидания. Попробуйте в любом европейском университете разыскать на кафедре преподавателя в неурочное время – не найдете! Можно только договориться о встрече заранее, но и то чтобы это было от и до, минута в минуту. Время переводится в доллары, франки и т.д. В результате по пустующим коридорам бродят толпы студентов, набирают какие-то очки и баллы – не слишком-то жизнерадостная картина.

В европейских университетах нет стандартов образования, и наша система в этом отношении более эффективна: есть обязательные курсы наук, принудительный учебный план, есть и курсы на выбор. Но во всех случаях есть стандарт, которым четко определено все, что должен знать, уметь и помнить выпускник университета.

А загляните на кафедру в любое время – и обязательно увидите кого-

то из преподавателей, рядом – студентов, им интересно друг с другом, они, как говорится, варятся в одном котле. И это неформальное общение может быть в десять раз интереснее и полезнее любой лекции.

...Никогда не забуду, как, будучи аспирантом, был приглашен в группу Николая Николаевича Красовского, которая приступила к работе над вторым изданием книги нашего учителя И.Г. Малкина «Теория устойчивости движения». Работа над этим учебником превратилась в потрясающе интересный процесс, включавший напряженную – по 10 часов в сутки – работу и захватывающие футбольные матчи, ведь все, включая нашего руководителя, были заядлыми спортсменами... Это была великая Школа – научная, нравственная и одновременно – великий пример передачи духовного, интеллектуального наследства. Это было в русле традиций российской системы высшего образования, в которой Личность педагога всегда играла главенствующую роль.

Хочу надеяться, что Уральский государственный университет за свои 80 лет не растерял этих традиций, и, несмотря ни на какие веяния времени, постарается их сохранить и приумножить. С днем рождения нашей общей Alma mater, дорогие друзья!